

18+

СОЮЗ

в поисках нас

Лана К

18+

Лана К

Союз. В поисках нас

<https://litres.ru/74250059>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы найти друг друга, нужно сначала потерять себя. После событий, которые изменили их жизнь навсегда, Лука и Лия оказываются перед самым сложным испытанием - собственными ранами.

Она пытается научиться жить заново, а он пытается исправить то, что уже невозможно вернуть.

Старые тайны, незакрытые счета и люди, которым выгодно их падение, снова появляются на их пути.

Вторая часть дилогии "СОЮЗ"

1-ая часть - "Союз"

2-ая часть - "Союз. В поисках нас"

Содержание

Глава 1. Лука	4
Глава 2. Алессандро (отец Луки)	12
Глава 3. Лия	25
Глава 4. Лука	35
Глава 5. Лука	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лана К

Союз. В поисках нас

Глава 1. Лука

Пять дней назад я, возможно, впервые за много лет начал верить в Бога. Потому что только чудо может вернуть её ко мне. Мой ангел борется за жизнь. Я сидел возле больничной койки и смотрел на неё. Уже не помню, когда в последний раз покидал эту палату больше чем на несколько минут. Это место стало моим домом. Здесь я ел, если Маттео или мать заставляли меня. Здесь засыпал на неудобном кресле и здесь же просыпался, не сразу понимая, что всё произошедшее не было страшным сном.

Лия лежала неподвижно. Её лицо было ровным и спокойным, словно она просто спала. Исчез привычный румянец, который всегда появлялся, когда она смущалась или улыбалась мне. Я осторожно провёл большим пальцем по её щеке. Холодная, не ледяная, но и не такая тёплая, как обычно. Мой взгляд остановился на её губах. Я люблю их. Люблю целовать их по утрам, когда она ещё не до конца проснулась. Люблю, как она закусывает нижнюю губу, когда нервничает. Люблю проводить по ним пальцами, наблюдая, как она смущённо отводит глаза. Я взял её руку в свою и медленно пе-

реплёл наши пальцы.

— Просыпайся, *fiore mio* ... — мой голос прозвучал хрипло. — Пожалуйста.

Тихий звук аппаратов, напоминающих, что она всё ещё здесь, что она всё ещё со мной. Моя красивая, добрая, раненая и такая сильная девочка. Она была готова отдать за меня жизнь. А я... я позволил ей это сделать. Я опустил голову и прикрыл глаза. Сон стал моим врагом. Каждый раз, когда я засыпаю, оказываюсь на том складе. Снова слышу выстрелы, снова чувствую запах пороха и крови, снова вижу её. Она идёт ко мне и садится на колени, плачет. Говорит, что любит меня и снова закрывает меня собой. Каждый раз я просыпаюсь раньше, чем всё заканчивается. Я не хочу видеть конец этого сна, потому что боюсь, увидеть, что она не поднялась, что её глаза больше никогда не откроются.

Пять чёртовых дней я живу возле кровати своей жены. Пять дней врачи говорят одно и то же: *«Мы делаем всё возможное.»* Я ненавижу эту фразу. Она ничего не значит, не даёт надежды, не обещает, что всё будет хорошо. Она просто оставляет тебя один на один со своим страхом. Я поднял голову и посмотрел на Лию. Сколько ещё, моя девочка? Сколько ещё ты будешь бороться? Я осторожно поднёс её руку к губам и поцеловал тонкие пальцы.

— Ты обещала быть рядом со мной, помнишь? — тихо произнёс я. — Так вот... я тоже обещаю, — мой голос дрогнул. — Я не отпущу тебя. Не в этот раз.

В палате было тихо, за окном уже начинало светать. А я сидел возле неё и впервые в жизни чувствовал себя абсолютно беспомощным. Снова это чувство, снова я ощущаю то, что уже чувствовал однажды, когда умерла Элиза. Я мог защитить семью, мог уничтожить любого врага, мог построить империю и удержать власть, но не мог сделать самого главного — защитить свою жену.

Пятью днями ранее. Лука

Дождь моросил с самого утра. Серое небо низко нависло над кладбищем, словно не решаясь отпустить землю из своих холодных объятий. Я стоял неподвижно. Уже давно. Настолько давно, что промокшее чёрное пальто стало тяжёлым. Но мне было всё равно. В руках я держал букет полевых цветов. Я медленно опустился на корточки и положил букет возле надгробия. Пальцы скользнули по холодному камню. На секунду глаза закрылись. Столько слов. Столько мыслей. И ни одной возможности услышать ответ. Губы дрогнули. Я опустил голову.

— Прости меня...

Слова прозвучали почти шёпотом. Тихо. Будто я боялся, что даже ветер услышит мою слабость. Я провёл ладонью по лицу. Но легче не стало. Не становилось уже очень давно. Ты ведь всегда верила мне. Всегда. Даже тогда, когда не должна была. Даже когда весь мир говорил тебе обратное.

Пять дней. Пять чёртовых дней моя жена борется за

жизнь. Лия выжила, но сейчас она лежит в реанимации и ведёт свою самую страшную битву. А я... не могу быть рядом, меня не пустили к ней. Если бы не отец, который буквально удержал меня за плечо, я бы разнёс половину больницы и угрожал каждому врачу расправой. Но разумом я понимал. Они пытаются спасти мою девочку.

Но сейчас я стою на кладбище посреди могил, у надгробия Элизы Вальентино. Впервые за четыре года на этом кладбище с другими мыслями. Я пришёл просить прощения. Четыре года назад я поклялся, что никто и никогда не займёт твоё место в моём сердце. Я жил этой клятвой, держался за неё. Боялся предать нашу любовь. Но любовь имеет одну опасную особенность... она не спрашивает у нас разрешения, когда нам любить.

Я опустил глаза на фотографию, которая стояла у надгробия. И впервые не почувствовал привычной боли.

— Я пришёл попрощаться, Элиза.

Эти слова дались мне тяжелее всего. Ветер качнул ветви деревьев. Я невольно улыбнулся. Совсем чуть-чуть.

— Ты навсегда останешься частью моей жизни. Всегда. Ты была моей первой любовью, матерью моей дочери, моей семьёй.

Я сглотнул ком, вставший в горле.

— Наша любовь продолжается в Авроре. Каждый день я вижу тебя в ней. В её улыбке. В глазах. В том, как она смеётся.

Я сделал глубокий вдох. За последние четыре года я приходил сюда бесчисленное количество раз. Рассказывал обо всём, что происходило, говорил о работе, о дочери, о своей жизни без неё. Задавал каждый раз один и то же вопрос: *«Почему ты ушла и оставила меня, нас?»* Я уже давно тебя отпустил. Не забыл, не перестал любить, а просто отпустил. Моё сердце больше не принадлежит прошлому. Я долго смотрел на надгробие. А потом тихо сказал:

— Я полюбил снова.

В груди что-то болезненно дрогнуло, но чувства вины больше не было. Только страх. Страх потерять её.

— И если там, наверху, ты всё ещё присматриваешь за мной... помоги ей.

Мой голос сорвался.

— Не забирай её у меня.

Я опустил голову. Несколько секунд просто стоял, слушая дождь. А потом поднялся, поправил пальто.

Впервые за четыре года понял, что больше не приду сюда один, чтобы излить душу именно тебе, потому что у меня снова есть человек, которому я хочу рассказывать обо всём. Человек, рядом с которым я снова научился жить. И сейчас этот человек борется за жизнь. Я посмотрел на фотографию ещё раз.

— Спасибо тебе за всё, Элиза.

И, развернувшись, медленно пошёл к выходу. Мне нужно было вернуться. К моей жене.

Настоящее. Лука

Помимо меня, Лию почти каждый день навещали мои родители. Мать проводила у её кровати по несколько часов, тихо разговаривая с ней, будто Лия могла её услышать. Она поправляла ей волосы, держала за руку и каждый раз уходила из палаты со слезами на глазах. Отец приезжал реже, но никогда не уезжал, не зайдя к ней. Он долго стоял рядом. Марко приходил почти каждый вечер. Он никогда не умел показывать свои чувства, поэтому просто садился в кресло у окна, смотрел на неё и уходил, бросив мне короткое:

— Она сильная. Выкарабкается.

Рафаэль тоже приезжал часто. Иногда привозил еду, заставлял меня есть, иногда просто сидел рядом, не говоря ни слова. Джулия плакала каждый раз, когда заходила в палату. Она успела полюбить Лию как сестру и теперь болезненно переживала её состояние. Маттео вообще стал моей тенью. Он был рядом постоянно, помогал с делами, решал вопросы семьи и следил, чтобы я хотя бы иногда выходил из этой палаты.

Сегодня должна была приехать Лилия, сестра Лии. После случившегося я не знал, как смотреть ей в глаза. Что я должен ей сказать? Что не смог защитить её сестру? Что женщина, которая была готова умереть за меня, сейчас лежит между жизнью и смертью?

Я тяжело выдохнул и поднялся с кресла. За окном медлен-

но темнело. За эти пять дней многое изменилось. После нападения на нас отношения между нашими кланами практически перестали существовать. Адриано несколько раз звонил мне лично. Он хотел сам наказать своего консильере. Хотел доказать, что не имеет отношения к предательству и всему, что произошло. Но я не дам такой возможности никому.

Никому.

Этот сукин сын принадлежит мне. И только мне. Я подошёл к окну и засунул руки в карманы брюк. Гнев внутри меня давно перестал быть яростью. Теперь это было что-то другое. Смертельно опасное. Он ещё жив только по одной причине. Я жду, когда Лия откроет глаза, когда снова услышу её голос, когда она возьмёт меня за руку. И только после этого я сотру этого человека с лица земли. Я не подарю ему быструю смерть. Нет. Он будет молить меня о ней. Он забрал у меня покой. Он чуть не забрал мою жену. Он лишил нас будущего, которое мы только начали строить. И за это он заплатит.

Я повернул голову и посмотрел на Лию. Она всё так же лежала неподвижно. Я подошёл к кровати и осторожно взял её ладонь в свою.

— Просыпайся, моя девочка, — тихо сказал я, проводя большим пальцем по её пальцам. — Мне ещё слишком многое нужно тебе сказать.

Я наклонился и коснулся губами её лба.

— И мне очень нужна ты.

Глава 2. Алессандро (отец Луки)

Мы снова приехали в госпиталь. Я уже сбился со счёта, который это день подряд. Здесь всё пахло болью и стерильной надеждой, которая каждый раз обманывала нас одним и тем же способом — обещанием, что «всё под контролем». Изабелла шла рядом со мной, но я видел, как она с трудом держится на ногах. Она уже вытирала слёзы, даже не пытаясь их скрыть. Моя жена всегда была сильной, но сейчас в ней не осталось этой привычной стойкости. Она не могла смотреть на страдания нашего сына. И я понимал её. Лука не должен был быть таким. Да, он Дон. Да, он вырос в нашем мире, где слабость — это роскошь, которую никто не может себе позволить. Но он всё ещё мой сын. И сердце матери, как бы она ни пыталась, не умеет отключаться. Он уже однажды потерял любимую женщину. Я помню тот период слишком хорошо. Тогда он не был человеком, которого можно было назвать живым. Он существовал, но не жил. Работал, принимал решения, управлял делами, но внутри него всё давно умерло. И я видел, как это медленно разрушало его изнутри. Если он потеряет Лию... я не хотел даже формулировать эту мысль до конца. Он либо сожжёт весь мир, либо сгорит сам. И в обоих случаях последствия будут катастрофическими.

Мы вошли в госпиталь. Воздух здесь всегда был одинаковым — холодным и тяжёлым, будто стены впитывали чужие

страхи и не отпускали их. Я привычно кивнул охране у входа и прошёл вперёд. Изабелла осталась чуть позади, останавливаясь у стены, чтобы перевести дыхание. Я не стал её торопить. Она имела право на эти минуты слабости. Я направился в сторону палаты. Каждый раз перед тем, как войти, я останавливался. Не из страха. Из привычки понимать, с чем именно я сейчас столкнусь. И всегда видел одно и то же. Мой сын сидел там. Он держал за руку женщину, которая сейчас была для него всем миром. Я вошёл внутрь и сразу почувствовал знакомое напряжение. Лука поднял взгляд. Он не сказал ни слова и я тоже. Между нами давно не было необходимости в разговорах. Я подошёл ближе и посмотрел на Лию. Такая хрупкая, слишком тихая для человека, который однажды закрыл моего сына собой. Врачи говорили, что состояние стабильно тяжёлое. И этого было недостаточно. Стабильность не означала спасение. Я перевёл взгляд на Луку. Он не отводил глаз от неё. Словно если он отвернётся хоть на секунду — она исчезнет. Я знал его слишком хорошо. В такие моменты он был опаснее любого врага. Не потому что терял контроль. А потому что начинал контролировать всё слишком жёстко. Включая себя. Я тихо выдохнул и посмотрел в сторону коридора.

— Доктор здесь? — спросил я спокойно.

Лука даже не повернулся.

— В кабинете, — коротко ответил он.

Я кивнул. Мне нужно было услышать правду ещё раз.

Только мне. Потому что если Лука услышит хоть слово, которое он воспримет как угрозу её жизни, он не остановится ни перед чем. Он уже не раз показывал это. Я вышел из палаты и направился по коридору. Белые стены, гул шагов, запах лекарств. Доктор ждал меня, как всегда, с усталым взглядом человека, который слишком долго живёт рядом с чужими трагедиями.

— Как она? — спросил я сразу.

Он не стал уходить от ответа. И за это я уважал его.

— Состояние остаётся крайне тяжёлым, — сказал он. — Но мы наблюдаем медленную положительную динамику.

Я не моргнул.

— Она придёт в себя?

Он выдержал паузу. Слишком длинную.

— Мы делаем всё возможное.

Я уже был готов выходить из кабинета, когда доктор Грейсон тихо кашлянул, привлекая моё внимание. Я остановился. Он не был из тех, кто теряется. Сорок лет он работал на меня, лечил моих людей, вытаскивал их с того света, не задавая лишних вопросов. Старый, упрямый, профессиональный до костей. И именно поэтому его сегодняшнее поведение мне сразу не понравилось. Он выглядел странно. Неуверенно. Глаза бегали, пальцы сжались на папке с документами, будто он пытался выиграть время. Я медленно повернулся к нему.

— Говори, — сказал я спокойно, но так, чтобы он понял:

вариантов у него нет. Грейсон выдохнул.

— Алессандро... тут такое дело, брат.

Я прищурился.

— Не тяни.

Он провёл рукой по лицу.

— Лия была беременна. И она потеряла ребёнка.

На секунду в кабинете стало слишком тихо. Даже звук часов будто исчез. Я почувствовал, как внутри всё резко сжалось, но лицо не дрогнуло. Привычка, выработанная годами.

— Повтори, — сказал я ровно.

Грейсон поднял на меня взгляд.

— Беременна. Ребёнок не выжил.

Я медленно подошёл ближе. Каждый шаг давался слишком спокойно для того, что происходило внутри.

— Подробнее.

Он сглотнул.

— Лия поступила в крайне тяжёлом состоянии. Мы боролись за её жизнь в первую очередь. Про беременность мы не знали. Даже если бы знали, это ничего бы не изменило. Она бы всё равно потеряла ребёнка. Препараты, которые мы вынуждены были вводить, не позволили бы беременности развиваться.

Я слушал, не перебивая. Но каждое слово ложилось внутрь, как тяжёлый камень. Он продолжил:

— Мы узнали об этом только вчера, когда пришли расширенные анализы. Пять недель. Очень ранний срок.

Пять недель. Я медленно провёл языком по внутренней стороне щеки, пытаюсь удержать контроль. В голове не было мыслей — только шум.

— Если бы мы пытались сохранить беременность, — тихо добавил он, — мы бы потеряли их обоих.

Эти слова ударили сильнее остальных. Я медленно опустился в кресло напротив стола. Несколько секунд просто смотрел в одну точку.

— Ты уверен в результатах анализов? — спросил я ровно.

— Да, — сразу ответил Грейсон. — Я перепроверил лично.

Я кивнул. Молчание снова повисло между нами.

— Алессандро... — осторожно начал он.

Я поднял руку, останавливая его. Я медленно встал.

— Никому ни слова об этом, — сказал я холодно. — Ни в документах. Ни в разговорах. Ни при персонале.

Грейсон кивнул.

— Конечно.

Я посмотрел на него прямо.

— И особенно Лука не должен узнать.

Он не стал спорить. Он хорошо знал моего сына. Я вышел из кабинета, чувствуя, как внутри медленно нарастает тяжесть, которую невозможно было назвать просто эмоцией. Это было предчувствие. Потому что я слишком хорошо знал Луку. И знал, что правда, которую он не готов услышать... может оказаться опаснее любого врага.

Показатели стали лучше. Врач сказал это так спокойно, будто речь шла о погоде за окном, а не о жизни моей невестки. Но в этом мире хорошие новости всегда звучат слишком тихо, чтобы в них сразу поверить. Я видел, как у Изабеллы впервые за долгое время чуть разгладилось лицо. Она всё ещё была напряжена, но слёзы сегодня не текли так часто. Надежда — вещь опасная. Она появляется медленно, а потом либо спасает тебя, либо ломает окончательно. Лука сегодня впервые за долгое время вышел из больницы. Я наблюдал за ним перед этим. Он выглядел так, будто не спал несколько суток подряд, хотя я точно знал — он не спал гораздо дольше. Он держался на упрямстве, на злости, на одной единственной мысли: она должна проснуться. И пока она не проснётся, он не уйдёт. Но сегодня дела семьи не позволили ему остаться. Маттео и Рафаэль уже не справлялись в одиночку. Даже они, при всей своей выучке и опыте, начали выдыхаться. Дон всё-таки должен был вернуться к управлению. Слишком много всего происходило вокруг. И самое странное — почти подозрительное спокойствие наших врагов. Рафаэль держался уверенно. Он контролировал ситуацию так, будто Лука вообще никуда не исчезал. И, возможно, именно поэтому внешний мир думал, что всё в порядке. Дон и его жена якобы проводят время наедине друг с другом. Второй медовый месяц. Хорошая легенда.

Ко мне подошёл Грейсон. Он не торопился. Не повышал голос. Но в его взгляде было то самое напряжение, которое

появляется только тогда, когда ты стоишь на границе между жизнью и тем, что после неё.

— Господин Вальентино... Лия пришла в себя.

На секунду мир вокруг будто перестал двигаться. Я не сразу ответил. Просто посмотрел на него, пытаюсь убедиться, что правильно услышал. В таких местах слова слишком часто означают надежду, которая может рассыпаться через минуту.

— Она в сознании, — уже увереннее добавил он.

Я развернулся и пошёл к палате. Грейсон шёл рядом, но я уже почти не слышал его шагов. В голове было только одно — слишком долго мы ждали этого момента, чтобы позволить себе хоть одну лишнюю эмоцию до того, как я её увижу. Дверь палаты открылась. И я вошёл. Лия действительно пришла в себя. Она лежала уже не так, как последние дни. В её взгляде появилась осознанность, пусть и слабая, будто она только что вернулась из места, где нет ни звуков, ни времени, ни боли. Я остановился у входа, на секунду просто смотрел на неё. Она медленно перевела взгляд на меня. Будто только сейчас заметила, что в палате находится кто-то ещё. Я подошёл ближе и опустился на стул рядом с кроватью. Сердце почему-то билось непривычно тяжело. За эти дни я сотни раз представлял этот момент. Представлял, как она откроет глаза, как улыбнётся, как спросит, что произошло. Но сейчас, глядя на неё, я вдруг не находил слов.

— Лия... — тихо позвал я. — Ты узнаёшь меня?

Она моргнула. Один раз, потом ещё и продолжала смотреть. Так, словно пыталась увидеть во мне что-то, скрытое от остальных. Передо мной лежала та же девушка. Те же золотистые волосы, сейчас чуть спутанные, бледное лицо, но её взгляд... Взгляд был другим, не было больше той робости, с которой она когда-то вошла в наш дом, не было испуга, не было привычной неуверенности. Возникало странное ощущение, будто за эти несколько дней она прожила целую жизнь. Будто ей уже не девятнадцать. Будто она стала старше на несколько лет. Я видел в её глазах боль. Она медленно перевела взгляд на окно, затем снова посмотрела на меня.

Я сидел рядом с её кроватью и смотрел на эту хрупкую девочку, которая несколько дней назад закрыла собой моего сына. До сих пор не мог понять, как в таком маленьком человеке оказалось столько силы. Она едва пришла в себя, сама была между жизнью и смертью, а думала не о себе. Я осторожно сжал её ладонь.

— Дочка, проси у меня всё, что хочешь, — тихо сказал я. — Я обязан тебе жизнью своего сына. Мы все обязаны тебе. Если бы не ты... пуля прошла бы ему прямо в сердце.

Она смотрела на меня несколько секунд, словно решалась произнести то, что давно уже приняла для себя.

— Если вы и правда готовы сделать для меня всё, что я попрошу...

Она замолчала. Каждое слово давалось ей с трудом. Будто причиняло физическую боль.

— Отпустите меня... помогите мне уехать.

Я застыл, наверное, впервые за долгое время я действительно не нашёлся что ответить. Я был готов услышать всё что угодно.

— Дочка... — я нахмурился. — Я не могу.

Она опустила глаза.

— Мой сын будет искать тебя. Ты даже не представляешь, через что он прошёл за эти дни. Он не отходил от тебя ни на шаг.

Она молчала. Я тяжело выдохнул.

— Почему? Почему ты хочешь уйти?

Несколько секунд она просто смотрела в окно. Потом её губы дрогнули.

— Потому что я устала приносить ему боль.

Я почувствовал, как внутри всё сжалось. Она медленно повернула ко мне голову. В её глазах стояли слёзы.

— Мой отец чуть не убил моего мужа...

Голос дрогнул.

— И пусть это делала не я... но он мой отец. Моя кровь.

Слеза скатилась по её щеке.

— Лука считал меня предательницей... а получилось, что так и есть.

— Нет, дочка...

Она покачала головой.

— Да. Если бы не моя семья, этого никогда бы не произошло.

Она судорожно вдохнула.

— Я даже не знаю, почему отец пошёл на это. Почему решил, что власть стоит жизни людей.

Её голос становился всё тише.

— Но я каждый день буду видеть глаза Луки и вспоминать, что мой отец хотел его убить.

Она закрыла глаза, и ещё одна слеза скатилась по бледной щеке.

— Я не смогу так жить.

Я молчал. Потому что понимал. Но вместе с тем понимал и другое. Лука без неё тоже жить не сможет.

— Наш брак с самого начала был какой-то глупой ошибкой, — почти шёпотом сказала она.

Я нахмурился.

— Не говори так.

Она грустно улыбнулась.

— Но это правда. Я знаю, что это вы заставили его жениться на мне.

Каждое её слово било точно в цель.

— Нельзя заставить полюбить человека, который уже любит другую.

Она наконец подняла на меня взгляд. И я увидел в её глазах такую боль, что стало трудно дышать.

— Он навсегда останется с ней.

Я понял, о ком она говорит. Об Элизе. Она до сих пор думала, что живёт в её тени, что никогда не сможет занять

место в сердце моего сына. Слезы просто бежали по её лицу. Она даже не пыталась их вытереть. И я не знал, от чего она плачет сильнее. От физической боли. От потери. Или от того, что сейчас своими руками отказывается от человека, которого любит. Я смотрел на неё и впервые за долгое время почувствовал себя старым. Потому что иногда жизнь ломает людей не пулями. Не предательством. Не смертью. Иногда она ломает их любовью. А эта девочка сейчас ломала себя сама, потому что считала, что так будет лучше для моего сына.

— И у меня к вам будет ещё одна просьба...

Я уже поднялся со стула, но остановился и снова посмотрел на неё.

Лия выглядела такой слабой. Бледное лицо, потухший взгляд, тонкие пальцы, которые нервно перебирали край больничного одеяла.

— Перед тем как уйти... я бы хотела попрощаться с Авророй, — её голос дрогнул.

— Я должна ей многое объяснить.

Я молча кивнул. Отказать ей в этом я не мог. Тихо вышел из палаты и прикрыл за собой дверь и несколько секунд просто стоял в пустом коридоре. Лия ничего не знала, не знала, что носила под сердцем ребёнка, не знала, что потеряла не только несколько дней своей жизни. Я тяжело выдохнул. Нет, я не мог сказать ей правду, по крайней мере, не сейчас. Она едва открыла глаза после комы. Её сердце и так было

разбито. Эта новость уничтожила бы её окончательно, слишком хорошо понимал, что некоторые раны не заживают никогда. Я медленно пошёл по коридору. Аврора находилась в комнате отдыха вместе с Изабеллой. Последние дни моя внучка почти не разговаривала. Закрылась в себе, она перестала смеяться, даже её большие голубые глаза стали какими-то пустыми. От моей маленькой принцессы почти ничего не осталось. Она слишком сильно любила Лию. И слишком сильно испугалась, что может потерять ещё одного дорогого человека. Я переживал за неё. Когда я вошёл в комнату, Аврора сидела в кресле, обняв своего плюшевого медведя. Мы шли по коридору молча. Маленькая ладонь крепко сжимала мою руку. Слишком крепко. Будто она боялась, что если отпустит меня, то всё снова окажется страшным сном. А я думал совсем о другом. О времени – его почти не осталось. Нужно было действовать быстро. Лука не должен узнать, что Лия пришла в себя, иначе весь наш план рухнет. Он никогда не отпустит её.

Никогда.

А значит, увезти её нужно было раньше, чем он вернётся в больницу. Когда мы подошли к палате, Аврора остановилась. Я почувствовал, как дрожат её пальцы.

— Дедушка... а Лия больше не уйдёт? — тихо спросила она.

Я посмотрел на закрытую дверь, я не знал, что ответить ребёнку. Поэтому просто наклонился и поцеловал её в ма-

кушку.

— Иди к ней, принцесса.

Она медленно кивнула. Я открыл дверь, Лия лежала на кровати, опираясь на подушки. Бледная и слабая, услышав шаги, она подняла голову. И в тот момент, когда её взгляд встретился с глазами Авроры, её лицо дрогнуло. По щекам сразу покатились слёзы.

— Птичка... — едва слышно прошептала она, а я тихо закрыл за собой дверь, оставляя их наедине. Потому что некоторые прощания слишком личные. И я уже чувствовал... это прощание изменит их всех.

Глава 3. Лия

— Лия...

Я подняла глаза. Аврора стояла в дверях палаты. Такая маленькая, потерянная. Её большие голубые глаза были полны слёз. Я не успела ничего сказать, как она бросилась ко мне. Осторожно, словно боялась причинить боль, обняла меня и прижалась своим маленьким телом. По её щёчкам текли слёзы. Моё сердце болезненно сжалось.

— Я хотела загадать на день рождения, чтобы ты к нам вернулась...

Её голос дрожал. И я больше не смогла сдерживаться, слёзы вновь хлынули из моих глаз. Я крепко прижала её к себе, насколько позволяла слабость.

— Аврора... девочка моя...

Я погладила её по голове, провела ладонью по мягким косичкам. За эти месяцы я так привыкла к ней, к её смеху, к бесконечным вопросам, к маленьким ручкам, которыми она обнимала меня каждое утро и сейчас мысль о том, что я больше не увижу её, разрывала мне сердце. Она подняла на меня заплаканное лицо.

— Ты ведь больше не уйдёшь?

Я улыбнулась через слёзы. Господи, как же тяжело было лгать этому ребёнку.

— Я скоро уеду, солнышко... Но я уверена, что мы с тобой

ещё встретимся.

Она нахмурилась, совсем как её отец.

— Почему ты должна уехать?

Я осторожно убрала прядь волос с её лица.

— Ты ведь заметила, что мы в больнице?

Она кивнула.

— Мне нужно немного подлечиться. Я хочу вернуться к тебе здоровой и сильной.

Она молчала, только смотрела на меня своими серьёзными глазами, не по годам взрослыми.

— Лия... не оставляй нас. Как мы будем без тебя?

Эти слова ударили прямо в сердце. Я почувствовала, как снова начинает дрожать подбородок. Господи... За что этому ребёнку столько боли? Я осторожно взяла её ладошки в свои.

— Птичка моя... ты у меня очень сильная девочка.

Слеза скатилась по моей щеке.

— Помогай папе и Розалии. Слушайся их. И помни...

Я запнулась, голос почти исчез.

— Я очень сильно тебя люблю.

Её губы задрожали.

— И я тебя люблю...

Я закрыла глаза всего на секунду. Эти слова стали для меня одновременно счастьем и самой большой болью. Я знала, что оставляю её, понимала, что причиняю ей боль. Я потянулась к прикроватной тумбочке. Пальцы нашли тонкую

цепочку. Мой кулон — небольшой серебряный медальон, который когда-то принадлежал маме. Самое дорогое, что у меня осталось от неё. Я долго смотрела на него, а потом протянула Авроре.

— Вот, это тебе.

Она удивлённо посмотрела на меня.

— Но это же твоё.

Я улыбнулась.

— У тебя скоро день рождения. Пусть это будет подарком.

Она осторожно взяла кулон.

— Почему ты отдаёшь его мне?

Я коснулась её щеки.

— Потому что хочу, чтобы у тебя всегда было что-то, что будет напоминать обо мне.

Её глаза снова наполнились слезами. Она крепко сжала медальон в маленьком кулачке, а потом неожиданно подалась вперёд и снова меня обняла. Я прижала её к себе и запомнила этот момент. Через некоторое время она ушла. Обернулась в дверях несколько раз, будто надеялась, что я передумаю. Когда дверь закрылась, палата погрузилась в тишину и я наконец позволила себе заплакать. Слезы текли без остановки. Я закрыла лицо руками. Я полюбила эту девочку всем сердцем как свою. О такой дочери можно только мечтать, Элизе невероятно повезло стать её мамой. И, наверное, именно поэтому мне было так больно, потому что я никогда не смогу занять её место. Но я всегда буду благодарна судьбе

за то, что в моей жизни появилась одна маленькая девочка с голубыми глазами, которая научила меня любить без условий.

Лука сегодня не приехал. Я знала, что это не случайность. Алессандро сделал всё, чтобы так произошло. Наверное, впервые в жизни я была благодарна человеку за то, что он обманул собственного сына, иначе я бы не смогла уйти. Если бы увидела Луку ещё раз. Я бы осталась несмотря ни на что. Несмотря на то, что считала свой уход единственно правильным решением.

Мы покинули больницу незаметно. Всё происходило быстро, и вот в моих руках уже лежал новый паспорт. Я провела пальцами по документу. Алиа Морено. Чужое имя, фамилия и жизнь, теперь эта жизнь принадлежала мне. У нас были такие документы, в нашем мире это обычная практика, запасные личности, на разные случаи жизни. Никогда не думала, что однажды воспользуюсь ими сама.

Алессандро довёз меня до станции, мы почти не разговаривали. Иногда слова только делают прощание тяжелее. Перед посадкой он крепко обнял меня.

— Ты всегда будешь частью нашей семьи, — тихо сказал он.

Я только кивнула, говорить уже не могла.

Через несколько часов я была в небольшом городе не далеко от Нью-Йорка — в уютном и спокойном городке, окружённом горами и зелёными долинами. Здесь всё было ина-

че. . Алессандро убедил меня, что его близкий друг позаботится о моем новом месте, сам он не знал, куда я направилась. Никакой суеты, никаких людей, которые каждую минуту готовы отдать жизнь за своего Дона. Только тишина, чистый воздух.

Я купила небольшой светлый домик на окраине города. Он был совсем простым. Белые стены с небольшой кухней. Спальня с окнами в сад и маленькая терраса, на которой по утрам можно было пить кофе. Я впервые жила одна. Первое время я не знала, что делать с этой свободой. Она одновременно пугала и завораживала. Постепенно я начала обживатьсь. Покупала посуду, сажала цветы перед домом, училась готовить только для себя. По вечерам открывала окна и слушала, как стрекочут цикады.

Я нашла работу в небольшой музыкальной школе. Хозяйка оказалась доброй женщиной и, услышав, как я играю, сразу предложила мне место преподавателя игры на фортепиано для детей. Кларе Бьянки было шестьдесят семь лет. Она была невысокой женщиной с мягкими чертами лица и серебристыми волосами, которые всегда собирала в аккуратный низкий пучок. Её тёплые карие глаза излучали спокойствие и мудрость, а на губах почти всегда играла лёгкая улыбка. Она любила длинные льняные платья пастельных оттенков и неизменно носила тонкую золотую цепочку с маленьким скрипичным ключом — подарок покойного мужа, который когда-то тоже был музыкантом. Клара открыла свою музы-

кальную школу больше тридцати лет назад. За это время через её классы прошли сотни детей. Она умела находить подход к каждому ребёнку и верила, что музыка лечит даже самые глубокие раны. В городе её знали как добрую, но требовательную женщину. Она никогда не повышала голос, однако одного её взгляда было достаточно, чтобы ученики переставали шалить.

Музыка всегда была частью меня. Теперь она стала моим спасением. Каждый день я учила малышей находить нужные ноты, ставить пальцы на клавиши и не бояться ошибаться. И вместе с ними понемногу училась жить заново. Я изменила причёску, начала носить более светлую одежду. Перестала, наконец, вздрагивать от каждого телефонного звонка. Научилась ездить на машине. Даже завела привычку каждое утро гулять перед работой.

Я менялась, но одно оставалось неизменным. Обручальное кольцо. Я так и не смогла его снять. Оно по-прежнему было на безымянном пальце. Я иногда крутила его, проводила по нему большим пальцем и вспоминала его.

Я не хотела новых отношений, не хотела другого мужчину. Моё сердце принадлежало только ему. И, наверное, всегда будет принадлежать. Вся моя жизнь раньше была распланирована по минутам. Сначала отцом, потом обстоятельствами. Даже после трагедии люди говорили бы мне, как я должна проживать свою боль, но теперь всё было иначе. Теперь я хотела сама научиться жить, научиться падать и подниматься,

научиться быть сильной. Мне хотелось однажды стать женщиной, которая сможет стоять рядом со своим мужем. Не за его спиной, а смотреть опасности прямо в глаза. Стать достойной его, даже если он никогда больше меня не увидит.

И каждый вечер, глядя на закат над горами, я тихо шептала:

— Надеюсь, ты счастлив, Лука...

А потом закрывала глаза и продолжала учиться жить без человека, которого любила больше собственной жизни.

Последние несколько дней я чувствовала себя странно. Слабость и лёгкая тошнота по утрам. К этому всему добавилась тянущая боль внизу живота. Сначала я списывала всё на усталость. Последние месяцы были слишком тяжёлыми, чтобы мой организм мог просто взять и вернуться к нормальной жизни.

Но утром, стоя на кухне с чашкой остывшего чая, я вдруг замерла. В голове появилась мысль. Нет... Не может быть. Я быстро посчитала дни. Не помню, как оказалась в аптеке.

Дома я долго сидела на краю кровати, не решаясь открыть упаковку, наконец, собралась с силами. Несколько минут ожидания показались вечностью. Я посмотрела на тест. Одна полоска и ... вторая. Совсем бледная, едва заметная, но она была. Я перестала дышать. Дрожащими руками снова взяла тест. Вторая полоска никуда не исчезла. Я прижала ладонь ко рту. Слезы выступили на глазах. Ребёнок? Наш

ребёнок? Мой и Луки? По щекам потекли слёзы, я не понимала, что чувствую. Я машинально положила руку на живот. Господи... Неужели всё это время я была не одна? Неужели внутри меня жила частичка человека, которого я так сильно люблю? Я заплакала ещё сильнее.

На следующий день я отправилась в больницу. Молодая врач внимательно изучала мои анализы, потом несколько раз перевела взгляд с бумаг на меня. Её лицо изменилось, она тяжело вздохнула, и от этого взгляда мне стало страшно.

— Госпожа Морено... — тихо начала она.

Я сжала руки.

— Да?

Она сделала короткую паузу.

— Вы были беременны.

Сердце пропустило удар. Я медленно подняла на неё глаза.

— Что?..

Она кивнула.

— Совсем недавно у вас произошёл самопроизвольный выкидыш. Судя по анализам, срок был небольшой. Уровень ХГЧ ещё не успел полностью снизиться, поэтому тест показал слабую вторую полоску.

Я смотрела на неё, но не понимала ни слова. Как будто она говорила на другом языке. Врач продолжала что-то объяснять. Про стресс, травмы, препараты, тяжёлое ранение, что все это могло сказаться на эмбрионе. Она говорила про то,

что я никак не могла предотвратить это, но её голос становился всё дальше.

У меня был ребёнок и его больше нет. Я медленно опустила взгляд на свой живот. Там было пусто, а я даже не знала... Не чувствовала... Не успела поговорить с ним. Не успела порадоваться. Не успела испугаться. Ничего. Абсолютно ничего. Я потеряла собственного ребёнка, даже не узнав о его существовании.

— Мне очень жаль, — тихо сказала врач.

Я моргнула и только тогда почувствовала, что по щекам текут слёзы. Она протянула мне салфетки, что-то говорила про восстановление. Назначила мне витамины. Она говорила о том, что я ещё молода, и что у меня ещё будут дети. Но разве она понимала? Этот ребёнок был не просто ребёнком. Это был наш ребёнок. Мой и Луки. Частичка нашей любви. Частичка нас.

Я вышла из больницы, почти не понимая, куда иду. Люди проходили мимо. Кто-то разговаривал, кто-то смеялся. Жизнь вокруг продолжалась, только моя снова остановилась. Ноги сами привели меня в небольшой городской парк. Я опустилась на ближайшую скамейку, несколько минут просто сидела, а потом сломалась. Слёзы хлынули так сильно, что стало трудно дышать, я согнулась пополам и закрыла лицо руками. Почему снова? Сначала я потеряла Луку, своими руками отпустила человека, которого любила больше жизни. Каждый день убеждала себя, что так будет лучше,

каждую ночь засыпала с его именем на губах, каждое утро просыпалась с болью в груди. А теперь... Теперь я потеряла ещё и нашего ребёнка. Нашего малыша, маленькое чудо, о котором даже не знала. Я плакала так, будто сердце разрывали на части. Внутри была пустота, огромная, нестерпимая.

Я подняла заплаканное лицо к небу.

— Почему?... — прошептала я. — Почему вы всё у меня забираете?

Ответа не было, только лёгкий ветер качал ветви деревьев. Я положила ладонь на живот. У меня никогда этого не будет. Никогда. Я потеряла мужа, потеряла ребёнка, потеряла семью, которую только начала обретать. И сейчас, сидя одна на холодной скамейке посреди чужого города, я впервые за долгое время почувствовала себя по-настоящему одинокой.

Глава 4. Лука

Я больше не считал дни. Сначала считал, первый день сменялся вторым, пятым, десятым. Теперь всё слилось в один бесконечный день, который начинался и заканчивался в этой больнице. Я жил от одного удара её сердца до другого. От одного взгляда на монитор до следующего. Я знал и верил, что совсем скоро моя девочка откроет глаза. Посмотрит на меня своими глазами цвета океана, назовёт меня по имени и всё станет хорошо.

Я вошёл в больницу, привычно кивнув охране. Медсёстры уже узнавали меня, наверное, я стал частью этого места. Как и она. В руках был стакан кофе, который я всё равно не собирался пить. Я поднялся на нужный этаж и направился к её палате. И почему-то сердце вдруг начало биться быстрее. Я открыл дверь и замер. Палата была пуста, кровать аккуратно застелена, на тумбочке ничего не стояло. Ни её вещей. Ни цветов. Ничего. Я медленно огляделся и вышел обратно в коридор, посмотрел на номер палаты. Тот же. Я снова посмотрел внутрь. Сердце неприятно кольнуло. Наверное, обследование, да, конечно. Она пришла в себя и её просто повезли на процедуры. Я даже улыбнулся своим мыслям. Пришла в себя... Господи... Она очнулась. Я развернулся и почти бегом направился к кабинету главного врача. Нужно узнать, когда её переведут. Когда я смогу её увидеть, наконец, смогу

обнять её. Я без стука открыл дверь, доктор поднял на меня взгляд, почему-то сразу побледнел. Мне это не понравилось.

— Где моя жена? — он медленно поднялся из-за стола.

— Господин Вальентино...

— Где Лия?

Он нервно сглотнул.

— Ваша жена... пришла в себя ещё вчера вечером.

Я застыл. Что? Я, наверное, ослышался.

— Что ты сказал?

— Она пришла в сознание вчера.

Я почувствовал, как внутри всё оборвалось. Никто не сказал мне?

— Где она? — мой голос стал тихим.

Опасно тихим. Я подошел к нему и взял его за ворот халата. Врач отвёл взгляд.

— Сегодня утром её забрали.

Я медленно подошёл к его столу.

— Кто?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

Ещё до того, как он его произнёс.

— Ваш отец.

В кабинете стало очень тихо, настолько, что я слышал собственное дыхание. Он бы не посмел. Не посмел бы... Я смотрел на врача и ничего не чувствовал.

— Повтори.

— Сегодня утром господин Вальентино забрал Лию.

Я не заметил, как стакан с кофе выпал из моей руки, я даже не посмотрел вниз.

— Куда?

Доктор покачал головой.

— Я не знаю.

Я отошел от врача и развернулся, идя к выходу, медленно провёл рукой по лицу. Почему она не сообщила мне, не спросила, не захотела увидеть или мой отец не дал ей этого сделать? В голове начали появляться тысячи мыслей и одна страшнее другой. Достал телефон и набрал номер отца, затяжные гудки и молчание. Я остановился посреди пустого коридора, пальцы крепче сжали телефон. Что ты сделал, отец, что ты, чёрт возьми, сделал? В груди поднялось странное чувство. Я был готов его убить.

Я не помню, как доехал до родительского дома, ни дороги, ни светофоров, ни людей вокруг. Перед глазами стояло только одно. Пустая палата, кровать и слова врача. *«Сегодня утром её забрал ваш отец»*. Я с такой силой сжимал руль, что костяшки пальцев побелели. Он забрал её, без моего ведома, без моего разрешения. Он забрал мою жену. Машина остановилась у дома, я вышел, даже не заглушив двигатель. Влетел внутрь, слуги тут же замерли, увидев меня. Никто не рискнул ничего сказать. Я шёл по дому быстрым шагом, почти бежал. Гнев кипел внутри, разрывая грудную клетку. Дверь кабинета распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Отец сидел за столом, он поднял на меня взгляд.

Слишком спокойный.

— Где моя жена?! — мой голос разрезал тишину дома. Я практически кричал. Отец медленно поднялся из кресла.

— Сын...

— Где она?!

Он тяжело вздохнул.

— Она захотела уйти.

Я замер, несколько секунд просто смотрел на него, а потом подошёл вплотную. Так близко, что между нами почти не осталось расстояния.

— Нет.

Он выдержал мой взгляд, даже не дрогнул.

— Да, Лука. Она ушла. И попросила меня помочь ей.

У меня внутри всё оборвалось. Нет, она бы не ушла. Не могла, не после всего.

— Отец...

Голос предательски дрогнул. Он смотрел на меня долго. С какой-то странной грустью, а потом тихо произнёс:

— Зачем она тебе?

Я нахмурился.

— Что?

— Зачем она тебе, Лука?

Я почувствовал, как кровь начинает стучать в висках.

— Ты не хотел этого брака с самого начала. Я думал... надеялся... что она сможет стать для тебя ещё одним смыслом

жизни. Но, видимо, ошибся.

Я резко шагнул вперёд.

— Кто дал тебе право лезть в мою семью? В мой брак?!

Я был готов ударить, в первые в жизни, я смотрел на собственного отца и чувствовал такую ярость. Но он даже не отступил.

— А что ты сделал для неё?

Я замолчал.

— Что ты сделал, Лука?

Он подошёл ко мне ближе.

— Она была готова умереть за тебя. Закрыла тебя собой от пули. А ты... можешь отдать за неё свою жизнь?

Я открыл рот, но не смог ответить. Ответ был очевиден. Без раздумий, да. Но слова застряли в горле. Отец горько усмехнулся.

— Молчишь...

— Не надо...

— Нет, надо, сын.

Его голос стал жёстче.

— Она всю жизнь прожила в боли. Не знала, что такое семья. Не знала, что такое любовь. Её собственный отец избивал её, унижал, использовал.

Каждое слово било по мне.

— А что сделал ты, когда её оклеветали?

Я отвёл взгляд.

— Ты даже не попытался разобраться.

— Твои братья хотели докопаться до правды. Они защищали её. Но не ты.

Отец смотрел на меня так, словно видел насквозь.

— Она любила тебя.

Я закрыл глаза.

— Но она знала, что ты никогда не ответишь ей тем же. Она была уверена, что твоё сердце навсегда принадлежит другой женщине.

Я почувствовал, как внутри всё переворачивается, продолжал смотреть на отца. Казалось, весь мир вокруг перестал существовать. Были только мы и слова, которые разрушали меня сильнее любой пули. Отец молчал несколько секунд, словно давая мне возможность переварить сказанное, но потом снова заговорил.

— Она знала, как сильно ты любил свою семью.

Я медленно поднял на него взгляд.

— Но себя она никогда не считала её частью.

В груди неприятно сжалось.

— Она всегда думала, что находится рядом с вами лишь потому, что так было нужно. Что однажды ты обязательно поймёшь свою ошибку ипустишь её.

Я ничего не ответил. Не мог, потому что вспоминал каждую её осторожную улыбку. Каждый раз, когда она спрашивала разрешения сделать самую простую вещь, когда благодарила меня за то, что должно было быть для неё обычным. Она действительно никогда не чувствовала себя дома. Отец

продолжил:

— А чем ты отплатил ей за её любовь?

Я опустил глаза. Ответа не было.

— Ты ведь даже не знаешь, что произошло перед тем, как ты приказал выпустить её из камеры.

Я резко посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду?

Его лицо стало жёстким.

— Её избивали.

У меня будто выбили воздух из лёгких.

— Что?..

— Ты слышал меня.

Я шагнул назад. Это невозможно. Я бы знал. Отец словно прочитал мои мысли.

— Её родной отец обращался с ней хуже, чем с пленником.

Каждое слово било всё сильнее.

— Он избивал её. Унижал. Угрожал ей.

Я почувствовал, как внутри начинает подниматься ярость, но уже не на него. На себя.

— Он пытался заставить её предать тебя.

Я закрыл глаза. Передо мной всплыла та телефонная запись. Её испуганный голос, который я тогда даже не захотел услышать.

— Она отказалась.

Отец сделал паузу, а потом задал вопрос, который окон-

чательно выбил почву у меня из-под ног.

— Ответь мне честно, Лука.

Я поднял голову.

— Если бы на месте Лии была Элиза...

Он смотрел прямо мне в глаза, не позволяя отвернуться.

— Ты бы поверил ей?

В кабинете стало тихо, настолько, что я слышал собственное дыхание. Элиза... Я представил её, как она стоит передо мной, плачет, говорит, что невиновна, что её подставили. И я... Я бы не позволил даже надеть на неё наручники. Я бы перевернул весь мир, нашёл бы каждого, убил бы любого. Но сначала поверил бы ей, без единого доказательства, просто потому, что это она. Я медленно опустился в кресло. Господи... Отец тяжело вздохнул.

— Теперь ты понимаешь, почему я помог ей?

Я долго молчал. Потом тихо спросил:

— Скажи мне...

Голос сорвался.

— Где она?

Отец медленно поднялся из кресла. Я тоже встал, он пошёл ко мне совсем близко и впервые за весь разговор в его глазах появилась боль.

— Нет.

Одно короткое слово, но оно прозвучало как приговор.

— Это было моё обещание ей.

Он выдержал паузу.

— Она спасла жизнь моему сыну. Я был должен отплатить ей и я сдержу своё слово.

— Отец...

— Нет, Лука.

Он покачал головой.

— Если однажды она сама захочет вернуться — это будет её выбор. Но лишать её этого выбора я больше никому не позволю. Даже тебе.

Он положил руку мне на плечо, легонько сжал.

— Иногда любовь заключается не в том, чтобы удерживать человека рядом, а в том, чтобы дать ему шанс наконец-то стать счастливым.

Он развернулся, спокойно подошёл к двери, открыл её и, не оборачиваясь, вышел. Дверь тихо закрылась. Я остался один, в огромном кабинете, абсолютной тишине. Я смотрел в одну точку. Перед глазами стояла Лия, моя девочка, которая всю жизнь мечтала лишь об одном. Чтобы хоть кто-нибудь однажды выбрал её, поверил ей, защитил, а человек, который должен был сделать это первым... Предал её сам. Я медленно опустился в кресло и закрыл лицо руками.

Глава 5. Лука

Прошло три месяца.

Дом снова стал тихим, больше никто не открывал по утрам окна в гостиной, никто не оставлял на кухне недопитую чашку чая, не звучал синтезатор, не раздавался тихий смех Авроры, когда Лия учила её играть. Дом жил, но души в нём больше не было.

Я работал, спал по два-три часа. Искал её, каждый день, без остановки, дня не прошло без поисков моей жны Мы проверяли камеры аэропортов, железнодорожных вокзалов, морских портов, поднимали архивы, просматривали сотни часов записей. Я подключил людей в Италии, Испании, Франции, Германии, Швейцарии. Ни одной зацепки, будто моя жена исчезла, растворилась. Но один человек никуда не исчез. Сальваторе. Отец Лии. Его держали в старом подземном бункере одного из наших объектов, каждый день он надеялся, что сегодня станет последним, но смерть не приходила. Я не торопился. Он слишком долго причинял боль другим, теперь настала его очередь жить с ней, каждое утро я заходил в помещение. Молча. Он уже не выглядел тем самоуверенным консьержи, передо мной сидел сломленный человек. Он ненавидел меня, я отвечал взаимностью. Его смерть доставила бы мне удовольствие. Я мстил ему за все, что он проделывал с моей женой. Через неделю начали исче-

зять остальные, каждый человек, который участвовал в организации нападения, кто поставлял информацию, кто финансировал операцию, кто хотя бы раз произнёс имя моей жены в той истории. Мы поднимали банковские переводы, прослушивали старые разговоры, покупали информацию, находили свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.